

ВИКТОР МАКЕЕВ:

Культура. — 2004. — 13-19

май - с. 10

Чтобы идти вперед, иногда надо перечеркнуть прошлое...

Недавно в залах на Кузнецком Мосту состоялась выставка работ народного художника России Виктора МАКЕЕВА, ветерана Великой Отечественной войны, приуроченная к его 80-летию. Его картины также экспонировались на ежегодной традиционной выставке работ московских художников — участников прошедшей войны, посвященной великому Дню Победы. Виктор Макеев окончил детскую художественную школу в сорок первом, в самый канун войны. Поработал на оборонном заводе, где трудились его родители, а в 1942-м был призван в армию и после кратковременной подготовки во Владимирском пехотном училище отправлен на Калининский фронт. Но в ноябре 1944-го был тяжело ранен в ноги. В госпитале насчитали около сорока осколков и некоторые не вынули до сих пор. В 1956 году с отличием окончил графический факультет Московского художественного института имени В.И. Сурикова.

— Вначале занимался книжной и станковой графикой, иллюстрировал книги М. Горького, Гладкова, Проскурина, Алексеева и других советских писателей, — рассказывает Виктор Иванович. — Параллельно много работал и в живописи — пейзаж, городские виды. С 1960-х годов считаю себя в основном живописцем.

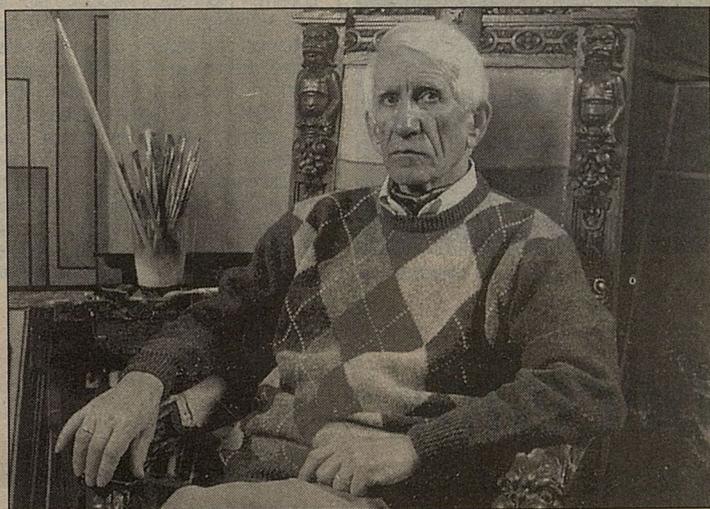
— Ваша персональная выставка произвела на меня огромное впечатление. Но на ней, с первого взгляда, как будто бы представлены несколько разных художников, работающих подчас во взаимоисключающих формах — от натуральных фронтовых рисунков, от сугубого реализма 1950-х годов до кубизма, символизма и чистой абстракции. Кто вы на самом деле?

— Кто? Художник, который меняется в зависимости от состояния страны, нашего общества, окружающей нравственной и социальной среды, условий жизни и творчества. И я стараюсь найти соответствующий времени художественный язык, стиль и манеру выражения. Это я считаю естественным развитием творческой индивидуальности и искусства вообще. Художник не может топтаться на месте. Он всегда должен искать новые формы осмысления мира, своих чувств и настроений. Чтобы идти вперед, подчас нужно забыть то, что прежде делал, перечеркнуть свое прошлое.

— Вы так и поступили?

— Конечно. Если я успокоюсь и перестану искать, то стану скучным и для себя и, в первую очередь, для своих зрителей.

— Утверждение, по-моему, спорное. Я видел ваши картины 1950-х годов. “Торжок”, например, “Старая мельница”, “Деревенская улица”, “Золотая осень”, портретные зарисовки. Они исполнены вполне индивидуально, своеобразно, в прекрасной цветовой гамме, с тонким чувством светотеневого прост-

В. Макеев

ранства, в элегантном колорите. Если бы вы так и продолжали, вы стали бы большим мастером реалистического направления. Может быть, не стоило отказываться от ваших достижений?

— Это все уже в прошлом, и я к прежнему опыту не вернусь. Хотя мне самому нравятся “Торжок” и другие картины этого периода. Но повторять пусть даже удачные находки я не буду. Посмотрите, например, как многие художники, подчас очень именитые, показывают свои работы на персональной выставке! Страшное однообразие, невыносимая скука, тоска! Нельзя всю жизнь нещадно тиражировать один, пусть интересный поначалу прием, одну стилистику, одно образное решение. В мире искусства столько неизведанных путей! Конечно, поиск нового — это риск, можно ошибиться. Проще идти по отработанной программе. Сейчас надо работать по-иному...

— Как вы сами назовете свое нынешнее направление, свой сегодняшний исход?

— Не знаю. Да и не дело самому художнику составлять формулу своему творчеству. Она будет только мешать самовыражению. Я человек достаточно самокритичный, но то, что я делаю, я не вижу ни у кого. У меня собственное письмо, собственный стиль, своя философия и нравственные ориентиры. Чтобы осуществить тот или иной замысел, я ищу соответствующую форму выражения — колорит, композицию, цветовой строй, но главное — обобщенный символический драматический образ. Чаще всего в абстрактной, беспредметной форме, что позволяет глубже, сильнее, обостреннее дать ощущение напряженности, тревоги, драматизма, трагедии.

К лучшим своим произведениям я отнес бы “Памяти отца”, “Реквием”, “Бедствие”, “Последний полет”, “Космическая драма”, “Красные холмы”, “Погибший город”, графический цикл “XX век”, “Восстание”. Назову также

“Воспоминание”, исполненное в кубистской манере и, конечно, триптих “Апокалипсис”.

— Но в жизни вы, похоже, человек далеко не мрачный...

— Напротив, я — оптимист. Но наша жизнь, окружающая действительность — вот ее-то я не могу писать по-иному.

— Очевидно, эти обобщенные драматические образы включают в себя и ваши военные воспоминания?

— Естественно. Прежде всего в самом значительном своем произведении — в триптихе “Апокалипсис”. Но у меня достаточно и вполне реалистических работ о войне. Я часто к ней возвращаюсь, часто ее вспоминаю, снова и снова сопереживаю. Первые военные зарисовки я сделал еще зимой 1941 года. Тогда я с мамой поехал в нашу деревню под Волоколамском, только что освобожденную от фашистов. Увидел сожженные деревни, убитых жителей. На фронте рисовал небольшие портреты своих товарищей — они их отправляли в письма домой, своим родным. Последнюю военную картину написал совсем недавно — вот она: отряд бойцов идет по опушке заснеженного леса. То, что я пережил на войне, всегда останется со мной... Война определила мое отношение к жизни, четко разделила добро и зло. Поэтому я не могу спокойно относиться к тому, что происходит в нашей стране, в сегодняшней жизни, со всеми нами. Выразить все это своим искусством — мой нравственный, моральный и гражданский долг.

— Вы часто выставляетесь, у вас прошло немало персональных выставок. Вероятно, вы очень работоспособный человек?

— Да, я прихожу в мастерскую утром и ухожу поздно вечером. Каждый день, без выходных. Надо еще много успеть сделать...

Беседу вел
Евграф КОНЧИН